

Принц из Парижа

Екатерина Неволкина

Только для девчонок

Екатерина Неволина

Принц из Парижа

«Автор»

2011

Неволина Е. А.

Принц из Парижа / Е. А. Неволина — «Автор», 2011 — (Только для девчонок)

ISBN 978-5-699-53323-7

Утонченную и стильную Жанну, которая грезит Парижем, французским кино и музыкой, в классе зовут француженкой. И она никогда не обратила бы внимание на невзрачного Лешку, если бы... не увидела его глаза. Они оказались такого пронзительного синего цвета! Наверно, это и есть любовь? Вместе с подругой Алисой француженка разрабатывает план, как влюбить в себя Лешку Беляева... Но главный герой их сценария признаваться в любви почему-то не спешит. Может, причина в Алисе, которая флиртует с будущим принцем Жанны?

ISBN 978-5-699-53323-7

© Неволина Е. А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава 1,	6
Глава 2,	13
Глава 3,	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Екатерина Неволina Принц из Парижа

Глава 1, в которой героиня, то есть я, предстает во всей красе

Меня зовут Жанна. Но в классе часто называют француженкой. Я, конечно, делаю вид, что сержусь, но на самом деле это мне льстит. Я брежу Парижем, его улицами, полными народа, глянцевыми, блестящими витринами модных магазинов, где выставлены такие туфельки, что за них можно отдать весь остаток жизни; запахами и изобилием кондитерских, где есть все – от настоящих багетов с хрустящей корочкой и нежнейшей, тающей во рту мягкотью до крохотных изящных пирожных, которые так похожи на произведения искусства, что их можно выставлять в музее.

Моя любимая музыка – песни настоящих французов: Эдит Пиаф и Мирей Матье... Мои любимые актрисы – Изабель Аджани и Жюльет Бинош. Мой любимый актер – Гаспар Ульель. О, это отдельная история! Этот парень с трогательными ямочками на щеках стал моей настоящей любовью. Его цветные фотографии – увы, конечно же распечатки из Интернета – висят в моей комнате повсюду. Самый любимый портрет – над кроватью. Засыпая, я целую его бумажные губы, а просыпаясь, говорю: «Доброе утро, любимый!»

Я и сама похожа на француженку. У меня каштановые волосы, подстриженные безупречным удлиненным каре, веселые карие глаза чуть миндалевидной формы в обрамлении длинных черных ресниц, маленький зазорный носик и, главное, очень красивые руки с тонкими запястьями и длинными пальцами, на которых шикарно смотрятся множество тоненьких колец, которые я надеваю. Я люблю свои руки и иногда сама люблюсь ими – они кажутся мне парой белых резвых птиц. Я даже пробовала курить, потому что сигарета здорово мне идет и позволяет показать запястья во всей красе, но не выдержала и бросила, едва начав. Курение – не для меня. Наверное, я слишком несерьезна, чтобы иметь серьезные вредные привычки.

Что еще можно сказать обо мне? Я учусь в одиннадцатом классе и четко вижу свое будущее.

Когда-нибудь я стану самостоятельной обеспеченной девушкой. У меня будет изящное белое – к загару – платье и красная машина-кабриолет с откидным верхом, на которой я уеду на Лазурный Берег, а вслед, словно длинный шарф Айседоры Дункан, будет виться: «Non Je Ne Regrette Rien»...¹

Я закрываю глаза и вижу это ясно, как наяву. Нет, даже яснее. Я уже слышу ласковый шепот моря и певучие голоса, небрежно переговаривающиеся по-французски... Вот я на щедро залитой тепло-золотистым солнечным светом набережной Ниццы. На мне – длинное белое платье, сандалии и небрежно сдвинутая шляпка, на поводке – поджарая борзая с ухоженной блестящей шерстью. Мы идем, и все оглядываются нам вслед...

– Жанна, ау, ты с нами или нет?

Голос учительницы разбивает хрусталь моих мечтаний, и он рассыпается по парте множеством сверкающих льдинок-осколков.

Я снова в Москве. За окном – вечное серое, хмурое, будто насупившееся небо. Как же непохоже на сияющую лазурь и солнцем праздничную Ниццу!..

– А... Я здесь, – машинально отвечаю я.

– Она не здесь, она уже в Париже! – острит Инга.

Я бросаю на нее короткий, но острый, как кинжал, взгляд. Авось наколется.

– Жанна, слушай, пожалуйста, – примирительно произносит учительница, – тебе еще экзамены сдавать.

¹ Песня Эдит Пиаф «Я не жалею ни о чем».

Да провалились бы они, эти экзамены!
Но я киваю – эдакая пай-девочка, девочка-конфетка.
Правую щеку словно опалает жаром.

Это Димка Совецкий, мой сосед по парте, опять уставился на меня с пламенным обожанием. Кстати, он – мой раб. Он решает за меня контрольные, носит сумки (когда я это позволяю ему в качестве вознаграждения) и покупает шоколадки. Конечно, я не всегда его так балую. Парней вообще нужно держать в узде, чтобы не позволяли себе лишнего. Им это на самом деле нравится. Чем презрительнее к ним относишься, тем больше они тебя обожают. Проверено на Димке. Он готов ради меня буквально на все. Вчера я разрешила ему проводить меня домой, потребовав за это плату. Нет, не деньги. Деньги – это неинтересно. Даже не сладости. Всего лишь поступок. Совецкий должен был подходить к тем, на кого я укажу, и говорить им разные глупости, кукарекать, петь песни. И что бы вы думали? Делал!

Наверное, поэтому я его никогда не люблю. Рабов нельзя любить, их можно только презирать, иногда жалеть. Единственный для него способ заполучить мое сердце – это достать его у меня из груди. Но Димочка, конечно, на такое не способен! Был бы способен, возможно, я отнеслась бы к нему иначе. Хотя на Гаспара Ульеля он, конечно, никак не похож, далеко не такой красавчик. Темноволосый, худощавый, чуть-чуть сутуловатый, стеснительный. В общем, знай свое место, раб!

Тем временем урок закончился, и я, проигнорировав умоляющий взгляд соседа по парте, подхватила под руку свою подружку Алиску и отправилась прогуляться по коридору. Мы с ней часто так гуляем, очень удачно оттеняя друг друга: я брюнетка со стильной стрижкой, Алиска – блондинка с длинными, до середины спины, волосами. Можно не сомневаться, что мы – самые красивые девчонки в школе. Это в очередной раз подтверждают провожающие нас взгляды парней. Однако подойти наши мачо школьного разлива боятся, зная, что лучше не попадаться нам на язычки – мигом высмеют. Девочки тоже держатся в стороне. С некоторыми из них, например с Ингой, у нас вялотекущая холодная война, с другими – безразличный нейтралитет, третьих, которые набивались нам в подруги, мы с Алиской отшили, не разводя лишних церемоний. Мы вообще слишком яркие птички для нашего застоявшегося, как болото, класса. В общем, дружим мы вдвоем, неразлучные и в то же время не нуждающиеся больше ни в чем обществе.

– Ты посмотри на своего Димочку! – шепчет Алиска, наклоняясь к моему уху, так что ее волосы щекочут мне щеку. – Он смотрит на тебя так, словно ты – булочка с изюмом. Того и гляди, слюна изо рта закапает!

Я царственно пожимаю плечами:

– Обойдется! Скорее подавится!

Мы с Алиской смеемся.

Чуть дальше, у окна, я вижу стоящего к нам спиной парня. Кажется, это Леша Беляев из параллельного класса. Он неотрывно смотрит куда-то.

– Подойдем, – киваю я на него подруге. – Спросим, чем он там любит.

– Подойдем! – она с готовностью соглашается.

Мы приблизились к Леше и с обеих сторон заглянули через его плечо. Странно – ничего особенного.

– Что-нибудь интересное? – тем не менее спросила я, заправляя прядь волос за ухо.

Лешка обернулся, и меня поразили его глаза. Какие-то необыкновенно синие и... я даже не знаю, с чем сравнить – распахнутые, что ли.

– Первый снег. Как красиво, вы видели? – произнес он, словно и не замечая нас с Алиской.

Совершенно обычные слова, но в то же время в его голосе, в его взгляде было что-то такое... особенное, что вдруг меня зацепило.

Я еще раз посмотрела в окно. Легкий снеговой пух лежал на карнизе, прильнув к стеклу. Снежинки казались большими и любопытными, они словно заглядывали в наш мир, желая узнать, как мы здесь живем. Снега было еще немного, он только-только припушил ветки деревьев, пятнами выбелил четырехугольный школьный двор... А ведь действительно очень необычно, как-то сказочно. Удивившись, что не заметила этого сразу, я перевела взгляд на Лешу. И он тоже вдруг показался мне другим.

Раньше я никогда не обращала на него внимания. Он был не из тех ребят, что время от времени пытались замутить со мной или Алиской. Обычный парень – не слишком высокий, не слишком приметный – со средне-русскими аккуратными подстриженными волосами и синими, как оказалось (раньше я никогда не разглядывала), глазами, судя по всему, скорее молчун... И одевается не слишком ярко – обычные джинсы и какие-нибудь однотонные свитера и футболки. В общем, казалось бы, два раза не взглянешь. И вдруг...

– Первый снег! – повторила Алиска, закатывая глаза. – Ну, ты, я смотрю, поэт! «Зима, крестьянин, торжествуя!..» – и подруга взглянула на меня, ожидая одобрения.

В другое время я, конечно, включилась бы в диалог, и мы с ней вдвоем высмеяли бы неудачливого лирика. Но не сегодня. Сегодня со мной вдруг произошло что-то необъяснимое.

– Не смешно, – резко оборвала я Алиску, и подруга застыла, от крайнего изумления забыв даже закрыть рот.

А я вдруг представила, как иду с Лешкой под первым снегом. На мне – узкое черное пальто и длинный летящий алый шарф. Мы идем по аллее, и между нами кружат снежинки, вовлекая нас в свой хоровод. А Лешка смотрит на меня своими необычными синими глазами... Как же я могла не замечать его глаз! Наверное, точно была слепой!

Тем временем Беляев, выйдя из задумчивости, окинул нас с Алиской пренебрежительным взглядом и, резко отвернувшись, пошел прочь. От его взгляда я зябко повела плечами – словно ледышек за ворот засыпали!

– Жанка, что с тобой? – спросила Алиска с ужасом.

Мы с ней, кстати, всегда были не разлей вода. С тех самых пор, когда я новенькой пришла в их класс и села за одну парту с Алиской, мы всегда вместе и, в общем, никогда всерьез не ссорились. Правда, еще три класса назад нас с ней рассадили – за излишнюю, по мнению учителей, общительность на уроках, но, по большому счету, это ничего не изменило. Алиса теперь сидит сразу за мной, и общаться это, поверьте, не слишком мешает. Ну и Димка, уже давно крутившийся подле меня, прочно занял место за моей партой. А это бывает даже полезно. Скажем, на контрольных. Но что Димка?! Сейчас меня гораздо сильнее занимал кто-то другой...

– Жанна! Ты меня слышишь? Что-то случилось? – взволнованно повторила подруга.

– Ничего, – ответила я и уставилась в окно.

– Жан, у тебя что, настроение плохое? – настаивала подруга. – Ну давай смотаемся с уроков и засядем у тебя «Шоколад»² смотреть. Хочешь?

Я, кажется, уже говорила, что обожаю фильмы о Франции? Этот – один из моих любимых. Он похож на сказку. Как хороши те мощные улочки маленького французского городка! А еще шоколад... с орехами и чили-перцем... Когда смотришь фильм, так и кажется, что чувствуешь этот горько-сладкий шоколадный запах, а во рту сразу становится немного сладко. Этот фильм всегда поднимает мне настроение, сколько бы раз я его ни смотрела.

Но сейчас я упрямо покачала головой:

– Нет, не хочу.

Алиска молча постояла рядом со мной. Я буквально физически ощущала ее недоумение и непонимание.

– Ты же это не из-за того хлюпика с первым снегом?.. – наконец спросила она.

² «Шоколад» – фильм с Жюльет Бинош.

Если бы я сама знала, что со мной происходит и отчего меня вдруг охватила то ли грусть, то ли раздражение! Мне сейчас не хотелось говорить ни с кем, даже с Алиской.

– Пойду пройдуся. Не иди за мной, – предупредила я и решительным шагом направилась к лестнице, ведущей вниз.

У выхода меня окликнул охранник:

– Ты это куда без куртки? Простудишься.

– Не простужусь, я ненадолго, – бросила я, уже выходя из двери.

Крыльцо было припорошено снегом, и я, проведя рукой по перилам, набрала почти целую горсть. Но снежинки быстро растаяли от тепла моих пальцев и, превратившись в воду, каплями упали на землю. Я смотрела на свою мокрую руку, и отчего-то мне хотелось плакать.

Наверное, со мной и вправду что-то не так. Может, я заболела, и у меня температура где-нибудь под сорок градусов?.. Я поднесла руку ко лбу, но никак не могла понять, горячий он или нет. Может, оттого, что пальцы еще помнили холод снега... .

Тут на плечи опустилось что-то тяжелое. Я обернулась и увидела Совецкого. Это он накинул на меня свою куртку и стоял теперь рядом.

Я бросила на него презрительный уничижающий взгляд.

– Простудишься, – пробормотал одноклассник и, больше не решаясь докучать мне, скрылся в дверях школы.

Куртка пахла чем-то смутно знакомым, от нее было тепло, и настроение, захватившее меня, как-то само собой исчезло.

Снег перестал идти, и я заметила, что где-то на асфальте уже образовались лужицы. Век первого снега недолог.

«И что это на меня нашло?» – пробормотала я и, кутаясь в чужую куртку, вернулась в школу.

В этот день я больше не видела Лешку, а Алиса дулась на меня до последнего урока.

– Ну что, – спросила я, обернувшись к ней, когда русичка завершила занятие и дала домашнее задание, – будешь обижаться и дальше, или пойдем «Шоколад» смотреть?

– Ну, пойдем, – ответила она, пытаясь изобразить снисходительно-равнодушное согласие, но я-то видела: ей ужасно скучно без меня и она счастлива, что наша короткая размолвка закончилась.

Димка внимательно посмотрел на меня, и мне вдруг показалось, что он все-все про меня знает. Но молчит. Как та собачка, что все понимает, а ничего сказать не может.

– А тебя не звали! – хором сказали мы с Алиской и засмеялись – так здорово получилось, прямо как в былые времена!

Впрочем, почему это мне пришло в голову такое странное выражение – «былые времена»? Какие они былые, если ничего не изменилось?..

Димка нехотя запихнул в сумку учебник и тетрадку и пошел к выходу, оглядываясь на нас, словно ждал, что вот-вот мы передумаем и окликнем его, пригреем и позовем смотреть с нами фильм. Но мы, конечно, не окликнули.

– Что это на тебя сегодня нашло? – спросила подруга, когда мы вышли из школы.

Снег, кстати, полностью растаял, хотя прошло-то едва ли два часа, а под ногами хлюпали лужи. Если ударить по луже каблучком, на черном глянце моих сапожек появляются маленькие круглые капельки. Это очень красиво.

Я засмотрелась на них, поэтому ответила не сразу.

– Ничего. А что такое?.. – наконец сказала я, все еще разглядывая сверкающие брызги.

И Алиска, конечно, поняла меня, потому что сразу пошла на попятную и заговорила о том, что в наш любимый магазин завезли новую коллекцию. Я с радостью поболтала с ней о тряпках, пока мы шли к моему дому.

Вот и мой подъезд. Мы поднялись на лифте на третий этаж, и я открыла ключом дверь.

У нас неплохая трехкомнатная квартира: моя комната, родительская, общий зал и, вдобавок, большой прямоугольный холл, где разместились шкафы с нашей домашней библиотекой. Мама большой фанат уборки, поэтому у нас всегда стерильно, как в аптеке. Светлые стены, однотонное ковровое покрытие, чистота и аккуратность, возведенная в квадрат или даже в куб.

Моя комната выходит на солнечную сторону, поэтому большую часть дня в ней светло. Здесь стоит удобный диван, на котором я и сплю, стол с гибкой никелированной лампой, похожей на вытянувшуюся в стойке змею, навесные полки со всякими милыми пустяками – моими фотографиями в прозрачных стеклянных рамочках, несколько картинок с видами Парижа, красивые подсвечники под свечи-таблетки. Над диваном, как я уже упоминала, висит портрет Гаспара Ульея, еще несколько его изображений взирают с соседней стены – большая уступка моей мамы, долго противившейся тому, чтобы я «портила обои».

– Устраивайся, – предложила я Алиске, а сама отправилась на кухню.

В холодильнике нашелся кусочек сыра, пакет апельсинового сока, а в баре в гостиной, как я помнила, еще лежала коробка хороших конфет. В общем, пиршество было нам обеспечено.

Я притащила всю еду.

Алиска уже устроилась на ковре, скинув туда диванные подушечки.

Мы запустили фильм и принялись смотреть, уплетая конфеты.

– Все-таки Виенн Роше умеет добиваться своего, – вздохнула Алиска, когда пошли титры. – Хотела бы я быть на нее похожей...

Мои же мысли в это время витали совершенно в другой сфере. После фильма и шоколадных конфет, которые всегда удивительно благотворно действуют на самое дурное настроение, я пересмотрела сегодняшнюю ситуацию и теперь готова была поговорить о ней с Алиской. Главное – навести подругу на разговор.

– Кстати, о сегодняшнем... – невпопад произнесла я и сделала многозначительную паузу, давая подруге возможность ввести свою реплику.

– Да? – Она, подложив сложенные руки под голову, с любопытством уставилась на меня.

– Этот Леша из параллельного, в общем, ничего, – закинула я пробный камень.

Алиска хмыкнула.

– Ты что, хочешь сказать, что влюбилась? – спросила она с подозрением.

– Конечно, нет, – успокоила я. – Мне просто захотелось влюбить его в себя и посмотреть, что будет.

– И что же будет? Тебе что, Совицкого мало? – поинтересовалась подруга.

Я рассеяно покомкала в кулаке край шелковой подушечки.

– Ну, Димка – это совсем не то. Ни рыба ни мясо. А Лешка... почему бы и нет?..

Алиса села на полу.

– Но мне показалось, что пока он не слишком тобой интересуется? – задала она новый вопрос после небольшой паузы.

– В этом и весь смысл. Был бы влюблен, разве это было бы забавно?

– Хорошо, – согласилась подруга. – Но как мы будем его в тебя влюблять?

– А вот это мы сейчас и должны придумать!

Я притащила листы бумаги и цветные фломастеры, и мы с Алиской увлеченно стали рисовать схемы будущих военных действий.

Сначала на листе появились действующие лица: фигурка девочки со стильным каре – это, конечно, я. Фигурка длинноволосой девочки – Алиска, моя помощница. Рядом с нами, подумав, я пририсовала Димку – рабочий материал, который мы могли использовать в случае необходимости. Далее шла длинная красная черта, обозначающая границы неприятельского лагеря. На неприятельской стороне был изображен Лешка Беляев, а возле него – знак вопроса, говорящий о том, что на данный момент нам неизвестно число его сторонников.

Далее мы расписали по пунктам план:

1. Сбор сведений о враге.
2. Партизанские действия, призванные привлечь внимание врага к объекту J. (Объект J – это, конечно, я – Жанна.)
3. Ловушка, решающий бой и пленение.
4. Наше торжество.

Собственно, пункт первый вопросов не вызывал. Алиска взяла его на себя. Она поговорит с девчонками из нашего и параллельного класса и попытается вытрясти из них как можно больше полезных нам сведений, в частности, есть ли у объекта Л (Лешки) девушка, с кем и когда он встречался.

Пункт второй подразумевал то, что объект Л должен как можно чаще слышать мое имя, сталкиваться со мной в коридорах и на любимых местах прогулок (не забыть выяснить во время проработки пункта «один») и быть всячески заинтригованным моей персоной еще до того, как наш план перейдет в третью, решающую стадию.

Пункт три, не скрою, казался мне самым интересным. Посовещавшись, мы с Алиской решили, что проще всего пробудить в Беляеве джентльменский синдром. Упрощенно говоря, кодекс настоящего джентльмена звучит примерно так: кто даму спас, тот обязан на ней жениться. Или, выражаясь словами известного писателя Антуана Экзюпери, мы в ответе за тех, кого приручили. Про женитьбу, это, разумеется, образное выражение, так далеко мы не планировали, но основную суть отражает.

– Он может спасти тебя от хулиганов. Действует безотказно, я видела это в нескольких фильмах. После этого спаситель сто процентов влюбляется в спасенную, – говорила Алиса, рисуя на листе девушку с каре, окруженную несколькими агрессивными человечками.

– Погоди, – возразила я, – а если он побоится сражаться с несколькими хулиганами? Мы не можем так рисковать!

Моя осторожность, кстати, – это семейное. У меня очень практичная семья. Папа работает в элитном собачьем питомнике, тренирует собак, мама – кадровик в крупной фирме. И оба – весьма здравомыслящие люди.

– Согласна, – кивнула Алиска после некоторого раздумья и перечеркнула две из четырех фигур нападающих. – А так нормально.

Я с сомнением покачала головой:

– Лучше снизить до одного и не слишком опасного на вид.

Подруга вздохнула, точно ее сердце разрывалось от великой печали, и вычеркнула еще одну фигурку.

– И кто же будет этим негодяем? – спросила она, обводя злодея в кривоватый овал.

В нашем случае выбор был очевиден.

– Конечно, Димка, – отозвалась я.

Алиса отложила фломастер и принялась грызть кончик наманикюренного ногтя.

– Ты абсолютно уверена? А он справится? А он вообще согласится?

Я с видом превосходства подняла бровь:

– Димка? Да он ради меня в лепешку расшибется! Он сделает все, что я захочу, хоть на карачках до Луны доползет!

– Ну...

Алиска хотела что-то сказать, но в это время из прихожей послышался шум открывающейся двери, а через некоторое время в комнату заглянула мама.

– Здравствуй, Алиса, – сказала она, с неодобрением оглядывая комнату, где еще присутствовали следы нашего пиршества в виде небранной посуды и валяющихся на ковре золотистых конфетных оберток. – Девочки, вы что, опять вместо супа шоколад ели? Смотрите, испортите себе желудки. А уроки уже сделали?

– Здравствуйте, Марина Игоревна, – отозвалась Алиса, поспешно поднимаясь на ноги. – А я как раз уходить собираюсь.

В общем, подруга сбежала, предоставив мне уборку и поедание полезного супа.

– Au revoir³, – сказала я ей на прощанье.

– See you later⁴, – отозвалась она, и мы расстались, в целом довольные друг другом и разработанным планом.

Начало его исполнения было назначено на завтрашний день.

³ До свидания (*фр.*).

⁴ Увидимся (*англ.*).

Глава 2, *в которой мы приступаем к исполнению разработанного плана*

На осуществление первого пункта – то есть сбор сведений – ушла примерно неделя. Мы собирали их буквально по крупинкам, стараясь заранее не насторожить наш объект охоты. Пусть до поры до времени он даже не подозревает, что топор уже выкопан и мы вот-вот готовы вступить на тропу войны.

За это время я несколько раз сталкивалась с Лешей в коридорах или в столовой, но он ни разу больше не заговорил со мной, максимум – здоровался кивком, но это и все. Разумеется, такое поведение меня только раззадорило.

А Димка... Димка по-прежнему смотрел глазами больной собаки.

Во вторник мы с Алиской после уроков собрались на очередной стратегический совет, и она, сверяясь со своим блокнотом, доложила обстановку.

– Начнем с хорошего, – говорила она, лениво развалившись на ковре. – Объект Л сейчас ни с кем не встречается. Говорят, в прошлом году он дружил с одной из своих одноклассниц, но как-то вяло, а потом она ему изменила и стала встречаться с его другом.

– Ну? – не выдержала я, когда Алиска сделала многозначительную паузу.

– А что «ну». Он с этим другом не раздружился. Как будто ничего и не произошло!

Я задумалась, рисуя на листе бумаги цветочные узоры. Я вообще люблю рисовать и делаю это всегда, когда о чем-то думаю. Поэтому все мои тетрадки украшены по полям самым разнообразным орнаментом.

То, что Лешка не стал ссориться с другом из-за девчонки, с одной стороны, хорошо: значит, она не слишком его интересовала. А с другой стороны, вроде как и плохо: может, он из тех парней, которые вообще никем, кроме себя, не интересуются.

– А плохая новость? Ты имела в виду, что есть и плохая, когда говорила о хорошей? – наконец спросила я, нарисовав высывающуюся из-за цветка плоскую змеиную голову.

– Плохая новость состоит в том, что, похоже, он из тех ботанов, которые не слишком интересуются девчонками, все больше учебой. Причем, представляешь, говорят, он пишет и даже собирается поступать в литературный. Прикинь, а! И это парень!

Я добавила змее еще несколько голов, превратив ее в ужасающего монстра. Литература – не мой конек, больше люблю смотреть кино.

– Ну и что ты думаешь, он безнадежен? – Я стала заштриховывать рисунок и не поднимала головы, чтобы не выказать своего беспокойства и волнения. Вот уж действительно, сама не понимаю, чем меня зацепил этот Лешка. Не этой же дурацкой фразой про снег? Может, я вдруг запала на его яркие глаза? И надо же мне было наконец их разглядеть! Почему я не осталась в тот день в классе, почему не повернула в другую сторону коридора? Тогда все сложилось бы совершенно иначе. Вернее, осталось бы по-прежнему.

– Нет, ну почему же, – возразила подруга. – Напротив, мне кажется, что в его силе его слабость.

– Это как же? – удивилась я. Мама у Алиски психолог, и иногда Алиска начинала изъясняться уж совсем заумно.

– Элементарно, Жанна! – рассмеялась подруга, отбирая у меня листок с рисунком. – Вот смотри, – она нарисовала фигурку и обвела ее кругом. – Это Леша, а вокруг него – вакуум, точнее пространство, заполненное его собственными иллюзиями, – Алиса заштриховала круг, очевидно, обозначив таким образом сферу иллюзий. – Если он много читает, значит, наверняка

идеалист и мечтатель, к тому же без собственного жизненного опыта. Ты понимаешь, что это значит?

– Не понимаю, – честно созналась я.

– Это значит, что он готов влюбиться, как только сработает спусковой механизм – некая романтическая ситуация. Мы с самого начала были на верном пути! – торжественно объявила Алиска и превратила круг в огромное раздутое сердечко. – Помнишь наш план про романтическое знакомство? Именно в нашем случае он и должен удался лучше всего. Запускаем механизм романтики и переносим на тебя свой уже готовый образ идеальной девушки. Один щелчок – и объект наш!

– Ты уверена, что сработает?

– И не сомневаюсь. Можно, конечно, для надежности запереть вас где-нибудь в лифте... – Алиса явно воодушевилась. – Представляешь: вы вдвоем, лифт остановился, застряв между этажами... Правда, романтично?

Когда-то в детстве мне довелось застрять в лифте, и не припомню, чтобы у меня сохранились положительные и тем более сентиментальные воспоминания. Я тогда жала на все кнопки и долго колотила в дверь... Романтики, прямо скажем, маловато. Нужно, наверное, быть дочерью психолога, чтобы увидеть ее в подобной ситуации. Кстати, с тех пор я вообще боюсь маленьких замкнутых пространств и, по возможности, когда одна, предпочитаю подниматься пешком.

– Не надо лифта! – поспешно сказала я. – Обойдемся нападением.

– Как хочешь, – милостиво согласилась подруга. – Лифт оставим на самый крайний случай, если другие методы не подействуют.

На следующий же день мы приступили ко второй части нашего плана.

Действовали мы просто, но гениально. Мы с Алиской подобрали мою самую красивую фотку. Я очень люблю этот снимок, сделанный прошедшим летом. На нем я в коротком белом платье сижу на склонившейся над водой иве, и выражение лица у меня самое мечтательное. Я и в жизни весьма ничего, а здесь получилась просто красотка! Мечта истинного романтика! Мы распечатали фото, вложили ее в раздобытую где-то Алиской книгу Стивена Кинга со странным названием «Как писать книги».

– Мы подкинем ее на парту нашему объекту, и он обязательно заинтересуется! – пообещала Алиса.

Решено – сделано. По расписанию химия у параллельного класса была как раз после нас. Алиска выяснила, за какой партой сидит Беляев, и мы «забыли» книгу на этом столе.

– Ну вот, – радостно шептала подруга, когда мы перешли в кабинет истории, – сейчас он уже нашел книгу и наверняка увидел фотографию. Это отличный ход, потому что сама книга вызовет у объекта положительные эмоции, а увидев там твое фото, он подсознательно сделает вывод об общности ваших интересов и заинтересуется тобой. Поняла?

Я не слишком поняла, но на всякий случай согласилась:

– Oui⁵.

В это время в класс вошел Совецкий. Он подошел к нашей парте и принялся рыться в своей сумке. Оттуда показались тетрадка и учебник по истории, а потом... Я не поверила глазам, увидев знакомую обложку и надпись «Стивен Кинг. Как писать книги».

– Алиса, – выдохнула я и, не в силах сказать больше ни слова, кивнула на книгу.

Подруга перегнулась через парту и тоже уставилась на том с нескрываемым ужасом.

– Что-то не так? – спросил мой сосед, наивно хлопая глазами. У него, кстати, длинные, как у девчонки, ресницы.

– Откуда это у тебя? – наконец выдавила Алиска.

⁵ Да (фр.).

– Вы забыли в кабинете химии. Хорошо, что я заметил, – объяснил он с таким просто-душным видом, что я, хотя у меня уже чесались руки задушить эту наглую собачонку, вмешивающуюся не в свои дела, буквально онемела и застыла мраморным изваянием.

– Ну, ты даешь! – поразилась подруга, сверля Димку гневным взглядом.

Тот еще больше растерялся, еще быстрее заморгал и, нерешительно посмотрев на меня, повторил свой вопрос:

– Что-то не так? Я сделал что-то неправильно?

И тут я очнулась.

– Да ты просто придурок из придурков! – закричала я.

– Что это у вас там происходит? – живо заинтересовалась наша главная сплетница Олеся, лучшая подруга Инги, что уже само по себе характеризовало ее не лучшим образом.

– Ничего, – буркнула я, опомнившись.

Да, нехорошо вышло. Не стоит затевать скандал перед всем классом.

– Это у них семейные проблемы, – захихикала вредина Танечка Перелеева. – Недоступные пониманию простых смертных!

– Ну, конечно, – фыркнула я, – особенно таких не богатых мозгом, как ты. Скажи, Перелеева, у тебя, должно быть, скелет тяжелый, если весь мозг в кости ушел?..

Разразиться скандалу не дало только появление исторички. Начался урок.

Я склонилась над тетрадкой, даже не глядя в сторону предателя-Димки. Сегодня узоры у меня получались колючие, из одних углов и ломаных линий. Я была очень, очень зла.

Последний урок отменили, и мы ушли домой немного раньше, но я вовсе не была этому рада.

– Не переживай, – успокаивала меня Алиска, – у нас еще уйма времени. Получит твой Леша эту книгу!

Я все понимала и тем не менее по-прежнему расстраивалась. Не то, чтобы я свято верила в приметы – во всех этих черных кошек и пятирублевки под пяткой, якобы обеспечивающих сдачу экзамена на пятерку, – но если дело начиналось так плохо, стоило ли его вообще продолжать?..

Тем не менее в четверг мы повторили нашу акцию с книгой, ради чего даже пришли в школу пораньше.

План был таков: Алиска встает на стреме и дает знать, когда Лешка будет подходить к крыльцу, а я в это время положу книгу в раздевалке на видное место и сама спрячусь где-нибудь неподалеку. Кстати, появится и повод для общения: увидев в книге мою фотографию, Леша сам пойдет со мной на контакт хотя бы для того, чтобы вернуть мнимую потерю.

Так и сделали.

Прилипшая к стеклу Алиска махнула рукой, я быстро вытащила из сумки книгу, положила ее на стойку и поспешно зашагала по коридору. Сердце так и стучало в груди, а ноги были ватными. Я шла и удивлялась: еще пару недель назад я тысячу раз могла пройти мимо Лешки и даже не заметить его, а тут меня словно подменили. Мне было и хорошо, и страшно. Никогда еще я не испытывала столько разных ощущений. Теперь же весь мир вокруг меня словно наполнился красками, полутонами, звуками. Словно я спала тысячу лет, как принцесса из сказки, а теперь вот проснулась – и здравствуйте, вот она я – иду по коридору на ватных ногах с подгибающимися коленками, а сердце так дико колотится в груди, что я удивляюсь, как этого не слышат все собравшиеся в холле!..

Отойдя на безопасное расстояние, я остановилась и принялась наблюдать за входом. Как раз вовремя, потому что дверь распахнулась, и появился Лешка. В расстегнутой, несмотря на погоду, куртке. Он весело поздоровался с кем-то, кому-то кивнул и направился в раздевалку.

Я ждала.

Вскоре Беляев вышел из раздевалки и пошел к ведущей вверх лестнице. Книги у него в руках не было, и на меня он не обратил абсолютно никакого внимания.

– Жан, ты на меня еще сердисься? – послышался рядом жалобный голос, и я скривилась, как от зубной боли. Как-то у меня болел зуб, и ощущения, честное слово, были такими же.

Я с досадой оглянулась и, конечно, наткнулась на просительный Димкин взгляд.

Это был финал, полный финиш! Мое нервное состояние тут же перешло в раздражение.

– Прекрати за мной таскаться! – крикнула я Совицкому. – Ты что, еще не понял, что ты мне и даром не нужен?

– Но я... – он растерялся.

На нас уже смотрели, но, честное слово, мне было наплевать. Я – Жанна, француженка, могла вести себя так, как вздумается, и не обращать внимания ни на кого!

– Au revoir! Разговор закончен, – объявила я и направилась навстречу уже спешащей ко мне Алиске.

– Ну, он взял книгу? – спросила подруга, когда мы встретились с ней посреди холла.

Я пожала плечами:

– Даже не знаю, слишком далеко стояла. Пойдем проверим.

Мы вдвоем отправились к гардеробу. Книги на месте не было. Странно... Но, вероятнее всего, Лешка взял ее, не разглядывая, и сунул к себе в сумку. Это не страшно – значит, он рассмотрит ее позднее.

Резкая трель звонка позвала нас на урок. Димочка, кстати, по-прежнему сел рядом со мной, но так и не решился заговорить (еще бы – госпожа запретила!), но только смотрел и смотрел побитым щенком.

Первая половина дня прошла в напряженном ожидании. А во время большой перемены ко мне подошел Лешка.

– Это твое? – спросил он, протягивая мне книгу Кинга.

– Да, – я мило улыбнулась, зная, как мне идет улыбка. Когда я улыбаюсь, у меня на щеках образуются милые ямочки – точь-в-точь как у моего любимого Гаспара Ульея.

– Вот и хорошо, – обрадовался Беляев.

Мы стояли с ним прямо посреди коридора, и толпа обтекала нас... Впрочем, не совсем обтекала – пацан класса из пятого довольно ощутимо толкнул меня. Я хотела отвесить ему подзатыльник, но не стала: не прерывать же из-за такой мелочи только-только завязывающуюся беседу.

– А как ты догадался, что это моя книга? – спросила я, наводя на разговор о фотографии.

– А... ммм... с трудом, – непонятно ответил парень.

А потом он раскрыл книгу, и я обмерла: между страницами была заложена моя фотография, над которой кто-то усердно поработал, украсив ее пышными усами, длинными клыками, с которых свисали капли, очевидно, крови, кривыми рогами – один больше, другой меньше – и иными декоративными элементами, не предусмотренными первоначальным замыслом.

– Что это? – выдохнула я с ужасом.

– Твоя фотка? – предположил Леша. – Понимаешь, я нашел это на прошлой перемене, на окне в холле первого этажа. Ты, наверное, забыла книгу со своей фотографией, а какой-то младшеклассник ее разрисовал... Жаль, что он не попался мне, – добавил парень, видя мое потрясенное лицо, – я бы надавал ему по шее. Возьми, пожалуйста, свою книгу.

Это была катастрофа! Нет, не так. Это была Великая Катастрофа! Я хотела предстать перед Лешкой в выгодном свете, а в результате оказалась посмешищем! Нарочно не придумаешь!

Дрожащей рукой я взяла проклятую книгу, которую к этому моменту уже ненавидела со всей силой, на которую только была способна.

– Не расстраивайся, – утешил меня Лешка. – Главное – книга цела. Хорошая книга, у меня есть такая.

Он ушел, а я осталась стоять в оцепенении. То есть то, что испортили мою фотку, ему не казалось страшным. Главное – какая-то тупая, дурацкая книга?! Ну, приехали!

– Ну, рассказывай! – Алиска, подскочив ко мне, оттащила меня за рукав к окну, а то я бы так и стояла на дороге прямо посреди коридора.

Я посмотрела на улицу. Школьный двор покрывал грязный, местами вытоптаный снег, так не похожий на тот первый, воздушный, совершенно волшебный, который я увидела в тот день, когда вдруг влюбилась в Лешку. «Так, наверное, бывает и с чувствами, – подумалось мне, – сначала они такие воздушные, как первый снег, а потом... потом...»

– Жан, ну что с тобой? – снова затормозила меня подруга. – Как вы поговорили?

Не отвечая ни слова, я раскрыла книгу и протянула Алисе испорченную фотку.

Подруга взяла ее из моих дрожащих пальцев и уставилась на нее в не меньшем ужасе, чем я несколькими минутами раньше.

– Вот ведь козел! А таким приличным казался! – со злостью выдохнула она.

– Что? – удивилась я.

– Лешка твой настоящий козел! И свинья! Свинский козел – вот он кто! – подытожила Алиса.

И тут до меня дошло, что подруга считает, что именно Леша и изрисовал мою фотографию.

– Нет, это не он, – поспешно ответила я и объяснила, как все получилось.

– Да, не слишком удачно вышло, – вздохнула подруга, выслушав эту короткую историю. Но ты не расстраивайся, – поспешно добавила она. – Черный пиар – это тоже пиар. Знаешь, я слышала, что некоторые артисты специально деньги желтой прессе платят, чтобы о них любые гадости печатали. Пусть гадость, пусть все что угодно, лишь бы их имя звучало как можно чаще!.. Да-да, – продолжала она, распаляясь все больше. – Это даже хорошо, что так вышло. Теперь Беляев уж точно обратил на тебя внимание. Симпатичные фотки он, может, уже не раз видел, а тут такое! Один раз увидишь – и уже никогда не забудешь! – Она снова, теперь уже с явным восхищением уставилась на мое изуродованное изображение.

– Ну конечно, – подтвердила я, едва сдерживая слезы, – такое не забудешь, и если бы Лешке поручили найти исполнительницу на роль монстра в какой-нибудь фильм ужаса, даже не сомневаюсь, к кому бы он обратился!

– Не будь пессимисткой. Мама всегда говорит, что оптимизм – это первый шаг к победе! – объявила Алиса. – Подведем итоги. Второй этап нашего плана можно считать завершенным, не вижу смысла продолжать в том же духе. Переходим сразу к третьему пункту. В общем, не падай духом и держи выше нос!

Глава 3, *в которой я впадаю в хандру, а Алиска дрессирует Димку*

– Ну почему все вышло так глупо?.. Я же действительно хотела как лучше... А ты почему молчишь? Обиделся?.. Ревнуешь?.. На самом деле, не стоит. Беляев – это временное. А ты – вечное, честное слово. Сама не знаю, отчего он мне вдруг понравился. Он совсем на тебя не похож... хотя глаза тоже красивые... другие, но красивые...

Гаспар Ульель по-прежнему молчал и лишь сдержанно улыбался мне с цветного плаката. Непонятно – то ли одобрительно, то ли разочарованно.

Я села на диван, обхватив себя под коленки руками, и задумалась. По правде говоря, жизнь несправедлива ко мне. Вроде у меня все есть – своя комната, которую мы обставили по моему собственному вкусу, модная одежда, а все же чего-то не хватает. Да что там, ни одно из моих больших желаний не сбылось.

Я еще ни разу не бывала во Франции, в Париже. Папа с мамой обычно говорят, что это для нас дороговато, и вообще предпочитают отдыхать на море – в Турции или на Кипре. Там, конечно, тоже неплохо, и, вернувшись, я всегда с энтузиазмом рассказываю Алиске о дискотеках, ресторанах, водяных горках и прочей ерунде, чтобы показать, что проводила время действительно классно. Но на самом деле это не моя мечта и не мой выбор.

Другая моя мечта – чтобы у нас дома жила собака. Это смешно, но собаки у нас не было никогда. Несмотря на то, что папа на работе занимается тем, что дрессирует чужих собак. Я, конечно, просила щенка – смешного, лохматого, с развесистыми ушами и вечно мокрым любопытным носом, но мне ответили, что наша квартира слишком мала для собаки, к тому же от нее шерсть и неприятный запах. Как будто нельзя пропылесосить и проветрить. От меня тоже, если честно, бывает всякий мусор, однако родители завели же меня?.. А может, теперь и это кажется им ужасно непрактичным.

И вот сейчас я сижу на диване со всеми своими мечтами под застывшим взглядом Гаспара Ульеля, который смотрит даже не на меня, а мимо, куда-то в пространство...

За окном снова дождь и свинцовое, тяжелое небо. Ну, считай, суббота испорчена. Начало ноября – самое нестабильное и тревожное время. Поскорее бы уже выпал снег. Думаю, мне стало бы легче, веселее... Вон и Алиска говорит, что меланхолия – явление сезонное, чаще всего проявляющееся в конце осени. А уж Алиска знает, о чем говорит.

Зазвонил телефон, и я неохотно взяла трубку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.